

Ю.В. Дунаева

**«ПРАВДИВЫЙ ПРОТОКОЛ ТЕКУЩЕГО БЕЗУМИЯ»:
ХУДОЖНИК А.Н. БЕНУА О РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЯХ 1917 г.**

Аннотация. Современная историческая наука активно использует эго-документы как исторические источники. В статье анализируется дневник видного представителя русской интеллигенции, художника А.Н. Бенуа как источник по революциям 1917 г. Подчеркивается, что дневник позволяет реконструировать события, очевидцем которых был Бенуа, и отчасти проникнуть в его внутренний мир и узнать отношение к происходящему и размышления о перспективах страны.

Ключевые слова: А.Н. Бенуа; дневники; эго-документы; Февральская революция 1917 г.; Октябрьская революция 1917 г.

Дунаева Юлия Вячеславовна – кандидат исторических наук,
научный сотрудник Института научной информации
по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН).
E-mail: jvd@inbox.ru

**Yu.V. Dunaeva. «The Truthful Protocol of the Current Madness»:
Painter A.N. Benua on the Revolutionary Events of 1917**

Abstract. Modern historical science actively uses ego-documents as historical sources. The article analyzes the diary of the prominent representative of the Russian intelligentsia, the painter A.N. Benua as a source for our understanding of the revolutions of 1917. It is emphasized that the diary allows us to reconstruct the events witnessed by Benua and penetrate into his inner world as well as learn his attitude to what was happening.

Keywords: A.N. Benua; diary; ego-document; February revolution 1917; October revolution 1917.

Dunaeva Yuliya Vyacheslavovna – Candidate of Historical Sciences,
Researcher, Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences (INION RAN), Moscow.
E-mail: jvd@inbox.ru

В последние годы в российской и зарубежной исторической науке оформилось перспективное исследовательское направление, изучающее события прошлого, истории жизни людей преимущественно на основе эго-документов: дневников, мемуаров, автобиографий и других источников личного происхождения [7].

В отечественной исторической науке интерес к источникам такого рода имеет собственную длительную традицию. В предисловии к фундаментальному библиографическому указателю «История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях» П.А. Зайончковский писал: «Дневники и воспоминания представляют собой одну из важнейших групп исторических источников. При всем субъективизме этой группы источников, а следовательно при необходимости весьма критического подхода к ним, дневники и воспоминания представляют исключительную ценность как содержащие материалы, не находящие отражения ни в официальных документах, ни в источниках других типов» [6, с. 3]. Иными словами, такого рода источники открывают для исследователя эмоциональное, человеческое измерение истории.

В связи с недавней годовщиной Февральской и Октябрьской революций 1917 г. и Гражданской войны возрос интерес к эго-документам той эпохи. Издано много автобиографических материалов, описывающих и оценивающих этот период с разных точек зрения. Но даже среди этого многообразия выделяется дневник выдающегося художника, историка живописи, художественного критика, одного из основателей и идеолога объединения «Мир искусства» Александра Николаевича Бенуа (1870–1960). Впечатления и размышления такой грандиозной личности особенно ценны.

Часть дневниковых записей ему удалось вывезти в эмиграцию, часть осталась в России. В эмиграции он хлопотал о сохранении художественного и письменного наследия. В одном из писем С. Яремичу¹ художник пишет: «Я бы только просил, чтобы мои рукописи и этюды не пропали совсем... Было бы большим грехом допустить гибель этих вещей. Ко многим явлениям нашей жизни *психологические ключи*² находятся именно и, пожалуй, только в моих писаниях. Не дайте им погибнуть... И несомненно, настанет время, когда какой-то потомок (а может быть, современник) будет в восторге этим ключом воспользоваться. Мы не имеем права лишать их этой радости» (цит. по: [2, с. 724]). Записи за революционные годы художник определил как «правдивый протокол текущего безумия» [2, с. 686].

1. Яремич С.П. (1869–1939) – художник, член «Мира искусства», сотрудник Эрмитажа, друг Бенуа.

2. Здесь и далее в цитатах слова, написанные прописными буквами или курсивом, принадлежат Бенуа. – Прим. Ю.В. Дунаевой.

Бенуа относился к умеренной по политическим взглядам интеллигенции. Сторонник монархизма, он не состоял ни в какой партии, избегал участия в политической жизни и старался занимать позицию над схваткой, сосредоточившись всецело на искусстве. Но, как показывает его дневник, во время Февральской и Октябрьской революций художник, по-прежнему избегая политических союзов и партий, активно работал, стремясь сохранить культурное достояние: музейные ценности, памятники архитектуры и даже парковые ансамбли.

Тему «А.Н. Бенуа как очевидец и хроникер революции» можно назвать неизученной, удалось найти только две статьи, частично ее затрагивающие [8; 9]. Что касается его деятельности по сохранению культурного наследия, то она достаточно хорошо освещена в литературе по истории искусства, поэтому упоминаться будет мельком.

Александр Николаевич Бенуа родился в международной семье. Его отец Николай Леонтьевич (Людовикович) Бенуа – знаменитый архитектор, происходил из крестьянского французского рода Бенуа, а мать – Камилла Альбертовна из зажиточного венецианского буржуазного рода Кавос. В семье была теплая, дружелюбная атмосфера, царил культ искусства. Вспоминая о детстве и отрочестве, Бенуа с любовью, уважением и мягким юмором обрисовал черты предков и родных [4; 5]. Н.Л. Бенуа был главным архитектором Петербурга, поэтому семья была близка к придворным кругам. В воспоминаниях и дневнике А. Бенуа можно найти меткие и емкие характеристики членов императорской семьи [1; 2; 3; 4; 5].

Из «Моих воспоминаний» мы узнаем, что в их роду причудливо переплелись французские, итальянские, немецкие корни, католичество и лютеранство, но не было «ни капли крови русской» [4, с. 11]. Этим многообразием кровей художник объясняет то, что он никогда не был патриотом страны (имеется в виду Россия). Однако в воспоминаниях и в дневнике он с такой глубокой нежностью, вниманием и болью пишет о России, особенно в годы войн и революций, что даже критические замечания воспринимаются как глубоко патриотичные. Художник был страстно влюблен в Петербург: «Я Россию как таковую, Россию в целом знал плохо, а в характерных чертах ее многое даже претило мне... Напротив, Петербург я люблю. Во мне чуть ли не с пеленок образовалось то, что называется “*patriotisme de clocher*”³. Я понимал прелесть моего города, мне нравилось в нем все...» [4, с. 9].

Любовь к Петербургу, признается Бенуа, достигла апогея, «именно в тот момент, когда Санкт-Петербург был переименован в ознаменование чудовищной международной, но главным образом европейской, распри (европейцы

3. Местный патриотизм (фр.).

против европейцев – “своя своих не познаше”). Тогда я с особой силой ощутил и то, что во мне живет *культ* Петербурга» [4, с. 10]. Этот культ сохранился у художника до конца жизни. На склоне лет, в эмиграции он признавался: «Теперь, оглаживаясь назад и лишенный всякой возможности туда вернуться, я любое изображение Петербурга представляю милым и любезным сердцу. Я трепещу, когда встречаю у букиниста хотя бы самую банальную фотографию, изображающую и наименее любимый когда-то уголок Петербурга» [4, с. 13].

Не менее эмоциональные строки художник посвятил любимым европейским странам: Франции, Италии, Германии, общей культурой, искусством и архитектурой которых он восхищался и наслаждался во время путешествий. Эта тоска по Европе особенно заметна в записях, сделанных в революционные годы. Например, в 1917 г. он пишет: «*Суббота, 29 июля*. Снова до боли захотелось туда, за границу, хотя бы во Франкфурт, в Висбаден, где прожито нами немало хороших минут и где можно будет отдохнуть в объятиях “гнилого Запада” от всего здешнего “здоровья”. А еще бы лучше на родину Джеммы⁴! Боже, неужели я так и не увижу больше Италии? Зачем тогда жить?» [2, с. 455].

Бенуа не получил профессионального художественного образования. Рисовать он начал чуть ли не с пеленок, впоследствии занятия с отцом и старшим братом, да и вся домашняя атмосфера способствовали развитию художественного таланта.

В 1890 г. Бенуа поступает на юридический факультет Санкт-Петербургского университета. В воспоминаниях автор признается, что ему сложно объяснить, что же побудило его идти именно в университет, да еще на юридическое отделение. Скорее всего некоторая сила инерции, обусловленная происхождением и кругом общения. Его друзья – С. Дягилев, В. Нувель, Д. Философов, Е. Калинин и др. – обучались в университете. Главным в университетские годы художник считает несколько моментов. Во-первых, много свободного времени позволяло молодым людям определиться и понять куда, в какую профессиональную область их тянет. Во-вторых, обучение на юридическом факультете дисциплинировало ум, знакомило с основными философскими системами. Бенуа было близко творчество Платона, Аристотеля и Декарта. И, наконец, в-третьих, именно в университетские годы сформировались и оформились политические взгляды художника: «Только теперь в ясную систему с отчетливой формулировкой стал складываться наш “консерватизм”, и только теперь я осознал, что я “по природе консерватор с монархическим уклоном”. Тогда же окончательно выработался во мне и

⁴ В это время А.Н. Бенуа читал повесть И.С. Тургенева «Вешние воды», Джемма – героиня повести. – Прим. Ю.В. Дунаевой.

самый “идеал монарха”, идеал, помогавший мне разбираться как в историческом прошлом, так и в современных российских и мировых обстоятельствах» [4, с. 632]. Далее Бенуа пишет: «Многое, что я, зараженный почти поголовным фрондерством русского общества, находил когда-то в правлении Александра III уродливым и даже возмутительным, стало теперь казаться необходимым или неизбежным. И обратно, если и раньше меня отталкивала от себя вся незрелая и часто просто глупая (“снобическая”, сказали бы мы сегодня) революционность, то теперь она представлялась мне преступной, фатально, неминуемо ведущей ко всякой “мерзости запустения”» [там же].

Бенуа отчетливо видел личные недостатки и слабые черты царствующей династии. Вот его характеристика последнего императора: «Николай II был “милым человеком”, но и слишком обыденным человеком, полным добрых намерений, но лишенным способности их проводить в жизнь. И главное – Николаю II не хватало тех особых данных, которые только и позволяют играть с достоинством роль главы и вождя исполинского государства...» [4, с. 633].

Еще одной чертой определяющей личность Бенуа был его убежденный пацифизм, которому он не изменил ни в годы Первой мировой войны, ни в революционные годы: «Мы оба, и я, и моя жена – абсолютные пацифисты, мы войну, как и всякое другое проявление бесовского начала, ненавидели всеми силами души...» [5, с. 357].

В 1917 г. 47-летний Бенуа – один из влиятельнейших и известных русских художников, лидер художественного направления, критик, историк искусства, признанный эксперт. Сфера его общения охватывала членов императорской семьи, художников, композиторов, писателей, философов, общественных деятелей, коллекционеров. Сложно перечислить даже часть тех, с кем Бенуа связывали дружеские или профессиональные узы. Помимо того, что он был одним из основоположников «Мира искусства», он участвовал в заседаниях «Религиозно-философского общества»; его критические искусствоведческие статьи публиковались в газетах «Слово» и «Речь». Он – автор искусствоведческих работ: четырехтомной «Истории живописи всех времен и народов» (1912–1917), «Истории русской живописи в XIX в.» (1901, 1902). Как театральный художник он запомнился в оформлении опер «Месть Амура» и «Гибель богов». К постановкам «Павильон Армиды» и «Петрушка» Бенуа не только создал декорации, но и написал либретто. Страстный театрал и балетоман возглавлял художественную часть «Дягилевских сезонов» в Париже, а в Москве некоторое время сотрудничал с К.С. Станиславским и В.И. Немировичем-Данченко. Книжная графика Бенуа – это блестящие иллюстрации к произведениям А.С. Пушкина и самобытная «Азбука в картинках» (1904). И все это – только часть многосторонней и разнообразной деятельности выдающегося человека.

Как же утонченный художник, христианин и пацифист переживал революционное лихолетье? Об этом подробно рассказывается в его дневнике – уникальном культурном и литературном памятнике. В самом Бенуа сочетались эмоциональная чувствительность и прозорливость, зоркий взгляд художника с критическим и логичным умом искусствоведа. Подобно летописцу он кропотливо запечатлевал свое видение нарастания и развития революционных событий.

С болью и горечью он писал о начавшейся войне, и 1 января 1917 г. художник вновь обращается мыслями к европейской бойне: «Что-то принесет наступивший год? Только бы принес мир, а остальное приложится. А для того, чтоб был мир, нужно, чтоб люди образумились, чтоб возникла и развилась “воля к миру”... Это должно, наконец, стать очевидным даже таким тупицам, как Милюков и иже с ним, ведущим Россию к гибели во имя исповедуемой ими ереси! С другой стороны, глупость человеческая безгранична, всеильна, и весьма возможно, что мы так и докатимся до общего разорения и катаклизма!» [2, с. 64].

28 февраля 1917 г. он пишет: «А, пожалуй, это и РЕВОЛЮЦИЯ! ... На углу 1-й линии и набережной мы присоединились к кучке, читавшей ходивший по рукам бюллетень, озаглавленный “Известия”... В этих “Известиях” имеется сообщение с фронта, а за ним распоряжение Временного правительства: текст приказа о роспуске Гос. думы (уже показалось сегодня странным увидеть подпись “Николай”) и тексты двух телеграмм Родзянки с предостережением об “опасности для династии”» [2, с. 104–106]. В примечании к этой записи А. Бенуа отмечает: «В этот день (или на следующий?) я видел в руках одного обывателя лоскуточек бумаги с напечатанными на нем пунктами нового воинского устава – то был пресловутый Приказ № 1. Никакого особого значения я в тот момент этому приказу не придавал, да и видел я его только в этом *одном* экземпляре. Нигде на стенах он не был расклеен. Возможно, что на фронте это было иначе... Действие, однако, именно Приказа № 1 было, говорят, сокрушительным» [2, с. 107].

И тут же описания революционных событий дополняются взглядом художника: «На улицах и площадях, покрытых снегом и залитых солнцем, все кажется празднично-прекрасным. Уж не предсмертная ли это красота Петербурга?» [2, с. 106].

В тот же день Бенуа продолжает: «В общем, у меня впечатление как-то двойится. Многое из того, что видишь и слышишь, носит слишком случайный, бессвязный характер. Многие беспорядки, несомненно, не имеют какого-либо революционного смысла и вызваны паникой и негодованием при ощущении ныне уж *несомненно наступившего голода!* Но, может быть, многим руководит и чья-то воля.

Электричество и водоснабжение все еще, слава Богу, действуют (и ни на минуту не переставали действовать), и это, во всяком случае, *добрый* знак. Но магазины все закрыты, и торгуют лишь мелочные лавочки» [2, с. 108]. Как часто, впоследствии, с октября 1917 г. художник будет сетовать на постоянные и долгие отключения электричества, на темноту и холод в квартире. И это еще одна деталь повседневности революционной жизни.

Прогуливаясь по городу, художник видит пожар в Литовской тюрьме, видит, как горит особняк графа Фредерикса и как жгут архивы перед полицейскими участками. Вскоре его восприятие города меняется: «К этому моменту (было около 5 час.) вечером солнце уже совсем померкло из-за дыма пожаров, и все приняло сразу какой-то угрюмый и даже угрожающий вид» [2, с. 110].

В последующие дни Бенуа неоднократно отмечает продолжающееся общее разорение жизни: стали отключать электричество и телефонную связь, постоянные перебои с продуктами питания, на улицах беспорядки, трамваи почти не ходят. В то же время на улицах города много гуляющей публики, масса вооруженных солдат ходящих без дела.

В четверг 2 марта 1917 г. Бенуа узнает о задержании императора Николая II. И первая мысль о судьбе культурных сокровищ: «Тотчас же во мне проснулась острая тревога за Царскосельский дворец. Вообще, особенно страшно за все памятники, которые так или иначе “причастны к царизму”» [2, с. 114].

В этот же день он фиксирует свои впечатления от отречения Николая II: «Меня вообще поражает, что ни в чем не выражается *какое бы то ни было впечатление* от низвержения самодержца, “помазанника Божьего”! Точно этого и не произошло, точно никогда никто в России ни царствовал. Все принимают известия об его задержании, об его аресте как нечто *давно ожидаемое и естественное*. И не слышать о каких-либо самоотверженных героических выступлениях “наших роялистов”» [2, с. 115]. На следующий день 3 марта 1917 г. Бенуа записывает свои ощущения от происходящего и пытается предвидеть дальнейший ход революции: «У меня противное чувство, что мы куда-то *катимся* с головокружительной быстротой! Всего неделю назад мы жили в самой что ни на есть “абсолютной монархии”, а ныне мы чуть ли не в “федеративной республике”! Не то надо радоваться такой перемене, а не то – мы ударимся в какой-то хаос, из которого не выбраться...

Происходит, шутка сказать, *экзамен русскому народу!* “Альтернатива колоссального размаха”! Или народ обнаружит свою пресловутую, на все лады прославленную *мудрость*, и тогда он не только сумеет уберечь свою культуру, но даст ей еще решительный толчок, или в нем возьмет верх начало разрушительное – “Грядущий Хам” (все те элементы в характерно русской жизни, которые меня всегда коробили) – и тогда сначала хаос, а там и воз-

вращение в казарму, к Ивану Грозному, к Аракчееву, а то и просто – к Николаю II! Именно предвидится экзамен русскому народу, этой тайне, которая вот тут, под боком, точнее, которая окутывает нас со всех сторон и частями которой мы сами состоим, однако которую мы распознать не в силах: ни я, ни все мы, интеллигенты вместе взятые. Да и никто никогда *не знал*, что это такое – “народ”, а лишь ощущал как некий символ, причем делались чудовищные ошибки и в ту и в другую сторону. И вот эта-то тайна (даже оставаясь как бы инертной) явится теперь вершительницей не только наших узкорусских дел, но и судьбы всего мира!» [2, с. 119–120].

Вопреки своим намерениям и привычному для него положению вне политики Бенуа в первые же дни марта включился в работу по сохранению культурного наследия. «*Суббота, 4 марта. Очень выдающийся* в моей личной жизни день. Я покинул свою “хату с краю” и “пущен в колovorot”! Вытащили меня Гржебин, Добужинский, Петров-Водкин и больше всего сам Горький. Я бы предпочел остаться зрителем и в стороне – больно все, что творится, мне чуждо и уж очень отчетливо стал я видеть вообще суетную природу вещей. Но теперь мне не дадут опомниться и на попятный идти поздно. С другой стороны, те перспективы, что передо мной, не лишены даже известной грандиозности! Просыпается и какое-то чувство долга. Многие из того, что теперь может сделаться в специально художественной области, может быть сделано лишь при моем ближайшем участии, а то и – руководстве. Вот я взялся за ляжку, хоть и предвижу, что вся предстоящая деятельность будет одним сплошным разочарованием! Эх, был бы здесь Дягилев!» [2, с. 124–125].

В те дни А.М. Горький пытался объединить деятелей искусства, созвать «Учредительное Собрание по вопросам искусства» и выдвинуть кандидатуру министра искусства. Рассматривались кандидатуры Дягилева и Бенуа. Хотя художник сразу же отказался баллотироваться на высокий пост, он немедленно приступил к работе над концепцией этого учреждения. На следующий день 5 марта А. Бенуа, А. Горький, Ф. Шаляпин, К. Петров-Водкин, М. Добужинский и З. Гржебин отправились в Государственную думу. Картина предстает прямо-таки в духе Э.А. Гофмана, которого так любил Александр Николаевич. «*Воскресенье, 5 марта. Один из самых богатых впечатлениями дней* моей жизни! Я увидел собственными глазами и как бы нащупал наше новое правительство. Увы! Меня это не успокоило относительно будущего». У Таврического дворца, «у самых колонн портика среднего корпуса свалена *огромная* куча мусора: пустые коробки от консервов, банки, всякие бумажки, объедки – это отбросы трехдневного питания засевших в своей цитадели парламентариев. Пришлось через эту кучу перелезть. Под колоннами совсем тесно... Неумолкаемо трещит аппарат кинематографической съемки.

В дверях, ведущих внутрь дворца, давка. Караул солдат с большим трудом сдерживает напор... Густой смрад и туман от пыли и испарений стоит в ротонде, где биваком, прямо на полу, расположился значительный отряд солдат... В перистиле сутолока невообразимая, солдаты, чиновники, сестры милосердия, мужички в тулупах, горничные с подносами чая, телефонистки и переписчицы, офицеры, журналисты – все это снует в разных направлениях или топчется на месте. Впечатление вокзала на какой-либо узловой станции» [2, с. 131].

В этот день делегатам удалось попасть на прием к А.Ф. Керенскому и Бенуа метким взглядом художника запечатлевать основные черты и набрасывает даже своего рода психологический портрет правителя: «Создается атмосфера, напоминающая безумные главы в романах Достоевского. От природы уже испитое лицо Керенского сегодня показалось мне смертельно бледным. Совершенно ясно, что этот человек уже много ночей совсем не спал. ...Говорит он громко, моментами крикливо, высоким фальцетом, с головокружительной стремительностью и с легким пришепетыванием (происходящим от поджимания нижней губы). Изредка внезапно среди фразы он останавливается, кладет голову на ладонь, закрывает глаза, точно засыпает или впадает в обморочное состояние, но затем снова пускается вскачь, продолжая начатую и оборванную на полуслове фразу. После только что нами отведенной бездари и просто российской вялости Керенский производит необычайно возбуждающее впечатление, и определенно *ощущается талант*, сила воли и какая-то “бдительность”. *О да! Это прирожденный диктатор!* ... Именно такие люди, пусть лукавые, но умные, талантливые люди, одержимые бешеной энергией, а не “профессора” вроде Милюкова, или “кристально чистые” джентльмены вроде Н. Львова, или изящные монденные англومانьяки вроде Терещенко, могут сейчас сделать нечто действительно великое» [2, с. 137–138, 142].

Верный своему намерению Бенуа ездит по окрестностям города и осматривает замки. «*Среда, 8 марта*. Сегодня наконец состоялась наша поездка в Петергоф. Дивный яркий день без ветра» и далее характерные для революционных дней подробности: «Извозчики совершенно исчезли, трамваи еще не ходят. При входе в Балтийский вокзал грозные пулеметы... В Петергофе все как будто обстоит вполне благополучно...» [2, с. 150].

10 марта становится известно об отречении царя от престола: «Удивительно, как незаметно во всей заварившейся сутолоке проходит известие об *аресте* царя. Возмутительны все те пакости и пошлости, которые теперь изрыгают по адресу этого “лежачего” всякие негодяи вроде Шебуева и т.п.» [2, с. 159].

Как уже было отмечено, Бенуа не удалось полностью вывезти дневники. Впечатления о происходящем с 12 марта по ноябрь 1917 г. частично восста-

новлены им по памяти в 1950-е годы. Петербургский историк И.И. Выдрин нашел утраченную часть дневников и в последнем, полном издании она приводится [2, с. 197–468], так же как и записанное автором по памяти. Однако и там с 1 августа по 6 ноября 1917 г. записей нет.

К середине марта видно, что у Бенуа начинает накапливаться усталость от постоянных заседаний, поездок, многочисленных и продолжительных телефонных переговоров. Он отмечает, что почти не остается времени на творческую работу. 22 марта 1917 г. он переживает психологический кризис, его буквально обуревают мысли о продолжающейся войне, о необходимости заключить мир: «Ну, а в смысле внешних обстоятельств – все сводится к ощущению накапливающейся грозы. Гнёт при этом не столько то, что одна из молний может поразить тебя и твоих близких, а то, что, вообще, “страшен гнев Господень”. А гневу *нельзя не быть*... Более чем когда-либо я ощущаю всем своим существом, что *нужно кончать войну немедленно* и *во что бы то ни стало*, именно *нужно!* ... Нужно кончать, пока голод и вызванная им анархия и сами не прикончили нас (вместе со всем прекрасным, что имеется в культуре)... Всеми этими мыслями я буквально болен» [2, с. 220–221].

Но иногда в этой усталости и пессимизме пробиваются и радостные нотки. «*Воскресенье, 2 апреля*. Пасха. Чудный весенний день. Трамваи не ходят. На улицах масса народу, особенно солдат и девиц. Но порядок всюду образцовый. И вечером, на ночной службе, очевидцы говорят, что царил полный порядок и при самом благополучном настроении» [2, с. 244].

Весной-летом 1917 г. Бенуа снова возвращается мыслями к необходимости прекратить войну: «С одной стороны, мне как убежденному христианину просто претило от продолжения бойни, с другой – и в согласии с этим – я не мог не сознавать, что вся наша культура, весь наш быт “полетят к черту”, если будет продолжаться это убийственное духовное и материальное разорение страны. Произшедший только что государственный переворот я приветствовал исключительно как шаг *к миру*... Истинный патриотизм, казалось мне, заключается в предохранении, посредством любого мира, Родины от разрухи» [2, с. 174]. В этом отрывке содержится квинтэссенция пацифизма Бенуа и его истинного патриотизма. Казалось бы, это заявление противоречит тому, что он писал об отсутствии у себя чувства патриотизма в «Моих воспоминаниях». Но они были созданы на склоне лет, в эмиграции, в мирные годы. А в дневнике зафиксировано эмоциональное впечатление, вызванное переживаниями разрушения государства войной и революцией.

Летом 1917 г. в редакции газеты «Новая жизнь» Горький знакомит Бенуа с будущим министром просвещения Советской России Анатолием Васильевичем Луначарским: «Последний показался мне настоящим “шармером”. Разносторонняя образованность, прекрасное владение речью, “почти еврейская” приткость! ... Ко мне он отнесся с величайшим вниманием, как бы

даже предлагая свои услуги и содействие во всем, в чем он мог бы быть мне полезным» [2, с. 178–179].

В августе-сентябре 1917 г. Бенуа довольно часто общался с Луначарским «позиция которого стала все более уясняться для него же самого и расчет которого на большевиков как на *единственную* группу людей, способных вывести страну из катастрофического состояния, все более крепили. С другой стороны, все менее надежд теперь возлагали на все другие партии и менее всего на личность недавнего полубога – Керенского» [2, с. 185].

К октябрю, вспоминает Бенуа, «стало как-то для всех очевидно, что назревает нечто грозное и решительное, что близится катастрофа. Несомненно, было и то, что на сей раз выступают *большевики*... и теперь с каждым днем становилось яснее, что последнее слово в вопросе устройства страны будет произнесено не Временным правительством, а вот этими самими “страшными новыми людьми”... С осени городская жизнь в Петербурге возобновилась почти во всем своем объеме: театры играли, чиновники шли на службу, трамваи мчались по рельсам, телефон, электричество и газ действовали, но питание становилось все более затруднительным, хвосты удлинялись и все холоднее становилось в доме вследствие недостатка дров» [2, с. 186].

Важно отметить, что революционные дни осени 1917 г. описываются автором, к сожалению, по памяти, нет его непосредственных живых впечатлений. «В самый день переворота (25 октября / 7 ноября нов. ст.) я днем еще ездил по своим делам и, помнится, возвращаясь на трамвае, проезжал мимо Зимнего дворца... Почудилось только, что между горами сложенных дров движутся какие-то темные массы, но что они представляют собой, я не разобрал. Во всяком случае, я никак не ожидал, что “это на сегодня” и что мы *доживаем самые последние часы нашего “буржуазного строя”*» [2, с. 187].

Бенуа полон сомнений, стоит ли ему сотрудничать с новой властью, но страх за утрату культурного наследия, искреннее намерение сохранить то, что можно, перевешивают: «С одной стороны, меня побуждает род *долга* прийти на помощь людям, от которых теперь столь многое зависит и которые получили в свое распоряжение вещи, им совершенно чуждые, – как раз те самые вещи, которые мне дороже всего на свете... С другой стороны, я отлично вижу, что и эти новые люди легкомысленны и *нелепы* во всю русскую ширь... Во всяком случае, на меня, к великому моему ужасу, накатила вихрь такой же силы, как тот, что закрутил меня в марте, и во мне снова возникли всякие проекты и чаяния» [2, с. 482].

Однако, он сомневается в том, что сможет воплотить в жизнь свои проекты: «Мешает тому главным образом мой характер, лишенный личного мужества и избалованный “домашним халатом”. К тому же я *никакой социалист* и никак не гожусь вообще к какой-либо политической деятельности» [2, с. 482–483]. Этот отрывок очень важен для понимания характера Бенуа.

Прежде всего мы видим, что в первые дни революции (эти записи сделаны 9 ноября 1917 г.) он сразу же задумывается о том, как помочь и спасти культурные ценности. Далее, он сомневается в своем личном мужестве, но спустя несколько лет, во время террора в 1921 г. он продолжал вести дневник, хотя мог за это поплатиться свободой: «Власти одержимы какой-то манией обысков и арестов, а дневники являются при этом всегда самым предательским материалом даже в тех случаях, когда они пишутся безобидными людьми, не принадлежащими ни к какой партии, а лишь записывающие то, что попадает в их узкий обывательский кругозор (как раз к таким людям принадлежу и я)... При этом дневниковые записи, оказывается, могут подвести десятки и сотни его близких и просто случайно встретившихся людей, ибо всякий записанный является для пресловутой Гороховой мотивом для задержания во имя контрреволюции» [3, с. 251].

Несмотря на все сомнения и колебания на протяжении ряда лет, вплоть до эмиграции, Бенуа занимал в Эрмитаже должность заведующего Отделами картинной галереи, Скульптуры новейших эпох (начиная с XVI в.) и Собрания гравюр и рисунков [2, с. 709]. Естественно, что он участвует в многочисленных заседаниях, комиссиях, часто общается с представителями новой власти, ведающими культурой и искусством: А.В. Луначарским, Л. Рейснер, А.М. Горьким и др. Интересны его впечатления об этих людях в первые месяцы революции. Например, о Ларисе Рейснер он пишет так: «Во время обеда (кушали у нас Стип и Эрнст) появилась, без предупреждения, прелестная Лариса, в каком-то китайском халатике, который ей очень к лицу». Рейснер, «очень милое, очень благожелательное существо», по оценке Бенуа, в это время чиновница особых поручений, занималась делами искусств, была секретарем Луначарского. «К сожалению, милая девушка лично ровно ничего не смыслит в искусстве (как, впрочем, и ее принципал, который только здорово об искусстве умеет растабаривать)» [2, с. 632–633].

Показательны впечатления Бенуа от одного из вечеров 1917 г. на квартире Горького, где собрались Ф.И. Шаляпин, Е.М. Терещенко, З.И. Гржебин, А.Н. Тихонов. «*Пятница, 22 декабря ...* а весь вечер вышел одним из самых обывательских, ерундовых и просто бессмысленных. Зато опять-таки для историка быта и культуры тут нашелся бы чудесный материал. Именно то, что *даже у Горького* могло в такие трагические дни говорить и думать подобное, показывает, что мы, что русские люди недостойны иной участи, которая ожидает наше общество и наше государство, наш русский народ. Я прямо не могу себе представить, чтоб такое общество, такое государство и народ оказались способными противостоять тому порабощению, которого они заслуживают. Наша судьба *должна* нас привести снова под какое-либо *иго!*

К сожалению, у меня нет того мастерства (Достоевского или того же Толстого), чтоб передать и запечатлеть такой *типичный* для данного момента русский вечер во всех подробностях. Вся соль его – в его обывательщине, в общем *тоне*, в скакании с одной темы на другую, в общем каком-то благодушии и оптимизме, под которыми кроется самое изумительное *легкомыслие*. И как раз в легкомыслии и фантастичности обвинял вчера Горький и Ленина, и Троцкого (“авантюристы” и т.д.)! – Особенно же досталось Луначарскому...» [2, с. 602].

В феврале 1918 г. Бенуа фиксирует еще одну интересную деталь: во время завтрака с друзьями А.М. Коллонтай заметила, что «для них [большевиков] было полнейшей неожиданностью, что они продержались больше месяца! Верит в их честность и добродетель (теперь уже общее мнение, что Ленин брал у немцев деньги, но надул их!)» [3, с. 33].

В записях за революционные годы автор часто и бесстрастно фиксирует разруху и разорение повседневной жизни, бытовые сложности. «*Понедельник, 25 декабря*. Убийственно действуют капризы электричества в эту темнейшую пору года. Сегодня электричество зажглось в 4 ч., но погасло в семь с половиной, снова зажглось в восемь с четвертью и уже совсем погасло в 10 ч. Я вижу в этом обещание гораздо более серьезных бед» [2, с. 611]. Спустя несколько дней он с восторгом описывает, как, невзирая на трудности, удалось купить керосиновую лампу: «...и ныне мы обладаем истинным шедевром безвкусия (розовый верх, подножие из персиков), но по крайней мере она заливает столовую светом, дающим и мне возможность писать эти строки» [2, с. 622]. Бенуа будет еще упоминать об этой безвкусной лампе, вокруг которой собирались близкие и гости, словно символу уюта той, утраченной жизни.

Но жизнь продолжала ухудшаться, в один из февральских дней 1918 г. он отмечает: «Хлеба дали сегодня на всю семью столько, сколько один из нас прежде получал в один прием». «В городе четко слышатся возгласы: “Давай хлеба, не то убьем!”». В апреле: «Сказать кстати, дело с нашим кормлением все ухудшается. Жизнь дорожает с каждым днем. А эти безродные идиоты – истинные наследники царистских жандармов (но и дегенераты) – еще с величайшей энергией препятствуют, что попало реквизируют и свозят на списание на свои склады» [3, с. 37, 41, 129].

Внутренний конфликт с новой властью постепенно, но неуклонно назревает в душе художника. Всё происходящее, условия жизни напоминают о «Бесах» Достоевского. «*Воскресенье, 10 марта*. И еще раз скажу: о, Фёдор Михайлович, как вы были правы! В сущности, быть может, не стоит все подобное записывать, ибо именно вся эта свистопляска гениально запечатлена им раз и навсегда со всеми ее национальными особенностями. В сущности, даже достаточно просто ограничиться ссылкой на него» [3, с. 61]. На страни-

цах дневника «бесы революции» встретятся еще неоднократно, пойдет ли речь о событиях политических, или о ситуации в искусстве.

Бенуа принимает решение покинуть редакцию «Новой жизни». В письмах А.В. Луначарскому и А.М. Горькому изложены и кредо художника, и мысли о большевизме и социализме, и объясняются мотивы, побудившие его сотрудничать с большевиками. Приведем некоторые, наиболее показательные отрывки.

Из письма от 3 мая 1918 г.: «Анатолий Васильевич, Вы знаете, что я не социалист, и в социализм не верю, но Вы помните, что все же я в социализме видел выявление многих благородных человеческих убеждений и поэтому не могу отказать в своем сочувствии этой утопии... Но то, что творится сейчас, ...отравляет тех, кто видит в социализме добро, и ободряет тех, кто видит в социализме пришествие Хама. Внушительная природа социализма оказалась не прекрасной, а чудовищной, не человеческой, а дьявольской. Социализм оказывается даже не подлинным христианством, а каким-то его антиподом, учением величайшего зла, величайшей несправедливости, величайшего попрания личности, в сравнении с которым все прочее зло, бедствия все былые несправедливости и попрания явились попранием чуть ли не всего на земле...

Я же хочу свободы, вижу только в свободе, в *свободном* долге истинно человеческое. Напротив, социализм есть отрицание свободы личности, есть самое странное их лукавство, при воплощении государством, цезаризма, принуждения...

Я и предшествующий строй *не признавал*, не признаю и ни один из существующих или бывших строев. Именно потому, что я художник, я знаю слишком хорошо цену личной свободы, я влюблен в свободу» [3, с. 156–159].

На следующий день Бенуа пишет письмо Горькому, подтверждая свою позицию. Письмо от 4 мая 1918 г.: «...с социализмом я не имею ничего общего, да и никогда и не интересовался им, считая его религией весьма почтенной, но лишенной того, без чего трудно быть религией Бога. Я и не к *социалистам* шел, а шел к людям, *желающим водворить мир*. При этом меня вовсе не беспокоил вопрос будет ли этот мир “демократическим” или нет, просто потому что всякий мир “демократичен”, ибо снимает тяготы и нужду, лежащую наиболее удручающим бременем именно на трудовых массах» [3, с. 160–161].

Все-таки Бенуа находит решение, как он будет сотрудничать с новой властью не ущемляя при этом, по возможности, своих принципов и своей позиции. В письме к Луначарскому 14 мая 1918 г., он пишет: «В отдельных случаях, во имя охраны художественных интересов, я всегда буду готов помочь, если я это смогу сделать без чрезмерного усилия над собой. Но от этого и до того, чтобы превратиться в “социалистического государственника”, бес-

конечно далеко. Увы, я слишком люблю свободу. Я “слишком художник” для социализма» [3, с. 164].

Свобода человеческая и художественная понималась Бенуа в христианском духе: «Я же *не верю* в социализм, в самую его идею, лежащую в основе его. И не могу я верить в него, потому что я человек религиозный и не способен отрешиться от того, что недвусмысленно твердит мой отлично знакомый всякому религиозному сознанию голос. Твердит же моя совесть как об основном человеческом законе – о свободе. Я и Христа принял, потому что я пропитался им. Разумеется, я отчасти плохой христианин в смысле исполнения законов христианской веры (это уже другой вопрос – распущенность безобразия), но все же я принадлежность к Христу имею потому, что он учил о проявлении личной свободы и царстве Божьем, доступном для всякого, кто поверит, кого коснется благодать» [3, с. 158].

При анализе дневников Бенуа для настоящей статьи были сознательно отобраны те моменты, в которых запечатлены подробности жизни во время революции, описаны тревожные и горькие размышления о современной ему действительности и о будущем страны. Эти строки полны горечи и надежды, сомнений и колебаний, но, невзирая на это, утверждения своей позиции христианина, пацифиста, свободной творческой личности. Ярким поэтическим и художественным диссонансом горечи политических размышлений звучат поэтические строки, отобразившие восхищение природой: «*Понедельник, 17 июня. Пузырево...* Передо мной из-за мелких оголенных кустов всяких пород вырисовывается японским изящным, жеманным и грустным силуэтом масса листвы, стелется какой-то бурлящий поток, переходящий из желтого в лиловый цвет неба. Видны зубчатые, острые вершины противоположного леса, пролегла узкая полоска серебристой ряби, опрокинутые макушки деревьев, и снова небо, лишь ненадолго посветлевшее вверх. Прямо посередине – желтая луна. От нее вверх и вниз на озере, у самых берез, на удалении перебегают движущие ряды зыби.

Год назад здесь все было иначе. Как живуча и как торжествует природа...

Предо мной очарование, которым я люблюсь вот уже полмесяца, запечатлевая в акварельной, нежной, присущей этой местности технике рисования ведутов. С детских лет важно познавать и хранить тот уголок природы, который выпал на твою участь... И вот здесь, в родной России, я впервые создаю циклы акварелей окрестностей Петербурга и пейзажи Крыма. И эти произведения оказались так же востребованы, как и акварели Версаля, Парижа, Италии, Швейцарии» [3, с. 167–168].

В рамках статьи невозможно привести полностью заметки, зарисовки свидетельства и размышления Бенуа, его переживания и мысли. Для полноты картины следует обратиться к самим дневникам. Остается еще раз подчеркнуть, что превыше всего Бенуа ставил личную свободу художника, возмож-

ность творческой работы без оглядки на идеологические рамки. В мирные годы и время разрухи он всеми силами своего таланта приумножал и сохранял культурное наследие родного, обожаемого им Петербурга да и, пожалуй, всей страны. Когда же условия жизни и работы стали для него невыносимы, художник был вынужден покинуть родину и обосновался во Франции, на земле предков.

Библиография

1. Бенуа А.Н. Дневник. М.: Захаров, 2016. Т. 1. 1908–1916. 551 с.
2. Бенуа А.Н. Дневник. М.: Захаров, 2016. Т. 2. 1916–1918. 726 с.
3. Бенуа А.Н. Дневник. М.: Захаров, 2016. Т. 3. 1918–1924. 810 с.
4. Бенуа А.Н. Мои воспоминания. М.: Наука, 1990. Т. 1. 711 с.
5. Бенуа А.Н. Мои воспоминания. М.: Наука, 1990. Т. 2. 743 с.
6. Зайончковский П.А. Введение // История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях. Аннотированный указатель книг и публикаций в журналах. В 5 т. М.: Книга, 1976. Т. 1. С. 3–15.
7. История в эго-документах: Исследования и источники. Екатеринбург: «АсПУр», 2014. 368 с.
8. Коротя Е.В. А.Н. Бенуа о причинах своей эмиграции // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2008. № 82–1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/a-n-benua-o-prichinah-svoey-emigratsii> (Дата обращения: 30.07.2018.)
9. Левинг Ю. Один день Александра Николаевича (Из неопубликованного дневника А.Н. Бенуа 1917 г.) // НЛО. 2002. № 58. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2002/58/odin.html> (Дата обращения: 30.07.2018.)

Refereces

- Benua A.N. Dnevnik. Moscow: Zaharov, 2016. Vol. 1. 1908–1916. 551 p.
- Benua A.N. Dnevnik. Moscow: Zaharov, 2016. Vol. 2. 1916–1918. 726 p.
- Benua A.N. Dnevnik. Moscow: Zaharov, 2016. Vol. 3. 1918–1924. 810 p.
- Benua A.N. Moi vospominanija. Moscow: Nauka, 1990. Vol. 1. 711 p.
- Benua A.N. Moi vospominanija. Moscow: Nauka, 1990. Vol. 2. 743 p.
- Istorija v jeho-dokumentah: Issledovanija i istochniki. Ekaterinburg: «AsPUr», 2014. 368 p.
- Korotja E.V. A.N. Benua o prichinah svoej jemigracii // Izvestija RGPU im. A.I. Gercena. 2008. N 82–1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/a-n-benua-o-prichinah-svoey-emigratsii> (Data obrashhenija: 30.07.2018.)
- Leving Ju. Odin den' Aleksandra Nikolaevicha (Iz neopublikovannogo dnevnika A.N. Benua 1917 g.) // NLO. 2002. N 58. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2002/58/odin.html> (Data obrashhenija: 30.07.2018.)
- Zajonchkovskij P.A. Vvedenie // Istorija dorevoljucionnoj Rossii v dnevnikaх i vospominanijah. Annotirovannyj ukazatel' knig i publikacij v zhurnalah. V 5 t. Moscow: Kniga, 1976. Vol. 1. P. 3–15.